

СОПРЯЖЕНИЕ

Денис Пожидаев

Сопряжение

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Сопряжение / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Экспедиция «Дальнего контура» прибывает в систему Велара, где тяжёлая планета Ирдан удерживает лёгкую Саэлу, а над их небом висит тёмный Керн. Раз в тридцать три года миры входят в странную фазу: вода забывает, где низ, лес отвечает на невидимый зов, а сигналы с двух планет складываются в оборванную фразу. Когда исследователь Рем Невель встречает того, кто не может завершить простой жест, научная загадка становится вопросом о памяти, связи и праве остаться собой. О цене возврата утраченного.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подход	5
Глава 2. Вход	9
Глава 3. Первый день на Саэле	12
Глава 4. Лес двулистников	15
Глава 5. Знаки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Денис Пожидаев

Сопряжение

Глава 1. Подход

За несколько дней до того, как «Кайрос» отпустил «Ярус» к Саэле, Рем впервые увидел Узел Велара не числом, а вещью.

Полгода он знал эту систему как таблицу. Массы, полуоси, периоды, эксцентриситеты — колонки, которые он выучил ещё на Земле и проверял столько раз, что перестал видеть за ними что-либо, кроме устойчивости. Узел Велара был для него хорошо посчитанной конструкцией: звезда, при ней тяжёлый мир, при том мире — крупный спутник, при спутнике — маленькая тёмная гиря. Всё держалось, всё сходилось, ничто не грозило сорваться. Так он о нём и думал — как о механизме, который не подведёт.

Потом «Кайрос» закончил торможение, повернулся к системе, и таблица стала небом.

Белар стоял впереди — жёлто-оранжевый, спокойный, чуть меньше и холоднее земного солнца. Не он держал взгляд. Взгляд держал Ирдан.

Планета висела в стекле огромным тёмно-голубым шаром: океаны, длинные полосы облаков, тёмная суша на освещённой стороне. Она была больше Земли — Рем знал это в цифрах: четыре с лишним земных массы, почти вдвое больший радиус, тяжесть в одну целую и три десятых земной. Но одно дело знать, а другое видеть, как мир такого веса спокойно занимает полнеба и не торопится никуда. Рядом с ним, ближе к кораблю, шёл его спутник: Саэла — меньше, светлее, в разводах зелени и холодной воды. Девять десятых земного радиуса, шесть десятых тяжести, почти четыре земных суток на один оборот вокруг Ирдаана. Тот мир, куда они пойдут первыми.

А у самого края ирданского диска Рем не сразу разглядел четвёртое тело.

Оно не блестело. Оно было провалом — маленький чёрный кружок, который не отражал ничего, будто в небе кто-то аккуратно вырезал дырочку и не потрудились её заполнить. Керн. Тридцать шесть километров железа, тёмного камня и вещества, которое зонды пока не сумели уверенно назвать. Малый спутник Саэлы, самая мелкая деталь всей конструкции — и, если верить моделям, её фазовый замок. Он не создавал то, что происходило между мирами, и не мог бы создать: слишком мал. Но без него расчёты всякий раз расходились. Керн не был источником поля — он заставлял его совпадать с самим собой, как камертон не рождает музыку, а собирает строй вокруг одной ноты.

Звезда. Планета при звезде. Спутник при планете. Спутник при спутнике. Механизм, вложенный в механизм, вложенный в механизм. Рем знал эти отношения наизусть — и всё равно, увидев их разом, на секунду забыл, что дышит.

— Красиво считается, да? — сказала Мира.

Она подошла к смотровому окну неслышно и встала рядом, чуть ближе, чем встал бы кто-то другой. Рем не обернулся.

— Устойчиво считается, — поправил он. — Саэла глубоко внутри зоны Ирдаана, орбита почти круговая, Керн на своём месте и никуда не денется миллиард лет. Красота тут ни при чём. Просто ничего не падает.

— А по-моему, — сказала Мира, глядя не на цифры на его планшете, а в стекло, — по-моему, это не механизм. Это что-то, что дышит. Смотри: два мира так близко, что висят в небе друг у друга. Между ними всё время что-то ходит — свет, вода, пыль. Миллиарды лет ходит. — Она помолчала. — Механизмы так не делают. Так делает живое.

Рем не ответил. За годы на «Дальнем контуре» он усвоил, что спорить с Мирой о том, живое перед ними или нет, — всё равно что спорить с рекой о том, куда ей течь. Она видела связи там, где он видел силы. Иногда она оказывалась права раньше приборов, и это его тихо злило.

Он снова посмотрел на Саэлу. Отсюда, с подхода, она была просто маленьким миром при большом. Но Рем уже знал по сводкам зондов главную странность её неба: Ирдан оттуда не восходит и не садится. Саэла обращена к своей планете всегда одной стороной, и на этой стороне огромный голубой шар просто стоит над горизонтом, днём и ночью, из года в год. Целая половина мира живёт под неподвижным вторым небом. Другая половина не видит Ирдаана вовсе и не знает, что он есть.

«Об этом надо будет помнить внизу», — подумал он. Не как о факте из паспорта — как о том, что всё время будет над головой.

На «Кайросе» их было шестеро, и корабль был им тесноват ровно настолько, чтобы за годы перелёта они выучили друг друга наизусть, не став при этом близкими.

Илар Вейн собрал их на мостике, когда до входа в рабочую орбиту оставалось несколько часов. Ему было под пятьдесят, он был старше всех и говорил так, будто заранее знал, что торопиться некуда, а вернуться нужно всем.

— Ещё раз, коротко, — сказал он. — Зачем мы здесь и чего мы не делаем.

На маршрутном экране позади него медленно поворачивался Узел Велара — те же четыре тела, только в схеме.

— Мы «Дальний контур», — продолжил Илар. — Нас послали посмотреть. Подтвердить, что Ирданом и Саэлой можно дышать. Описать климат, геологию, жизнь. Оценить риски. Сказать, можно ли когда-нибудь ставить здесь постоянную базу. И — если тут есть кто-то, кто нас понимает, — заметить это раньше, чем мы наделаем глупостей. — Он обвёл их взглядом. — Чего мы не делаем: не решаем за тех, кто пошлёт следующий корабль. Не объявляем мир «пригодным», пока не поняли его до дна. И не геройствуем. Сначала возвращаем людей. Потом объясняем, почему рисковали.

— Есть только одна причина, по которой нас загнали сюда именно сейчас, — сказала Мира. — Скажи им, Юна.

Юна Карр, врач и карантинный офицер, не любила говорить громко, и все привыкли слушать её вполуха, а потом переспрашивать.

— Раз в тридцать три года, — сказала она, — в системе складывается редкая фазовая конфигурация. Не оборот Керна: он проходит свою малую орбиту куда быстрее. Но раз в тридцать три года его положение совпадает с долгим поворотом орбитальной плоскости Саэлы и с магнитной фазой Ирдаана. В моделях это выглядит как резонансный максимум. Зонды сидели тут не один цикл. Каждый раз у максимума случалось одно и то же: биосигнатуры Саэлы и Ирдаана менялись синхронно, будто по команде. Связь между аппаратами рвалась. В верхней атмосфере вставали спектральные линии, которых не бывает при обычной магнитной буре. А на двух мирах разом появлялось что-то похожее на упорядоченные сигналы — свет, звук. — Она подняла глаза. — И запись всегда обрывалась ровно там, где начиналось самое интересное. Тридцать три года никто не видел, что там, за обрывом. Следующее окно — снова через тридцать три. Мы просто оказались первыми живыми, кто успел к нему.

— Через сколько? — спросил Орин Сай, хотя знал ответ. Орин всегда переспрашивал цифры, которые ему предстояло обслуживать.

— Около месяца до максимума, плюс-минус, — сказала Таис Верд. — Точнее скажу, когда сядем и померю поле на месте, а не по зондам. Здешние сутки длинные — календарь придётся считать заново.

Таис отвечала за всё, что имело массу, скорость и шанс разбиться: за «Ярус», на котором они пойдут на Саэлу, за тяжёлый «Порог» для Ирдаана, за каждую посадку и каждый взлёт. Она

смотрела на медленно вращающуюся схему так, как смотрела на всё красивое, — прикидывая, куда оно упадёт.

— Две недели — это хорошо, — сказала она. — Две недели — это время сесть на Саэлу, спокойно её отработать, подняться, перейти к Ирдану и успеть уйти на безопасную высоту раньше, чем начнётся то, чего никто из нас не видел. При условии, — она подняла палец, — что мы не будем задерживаться из любопытства.

— А если задержимся? — спросила Мира. Не с вызовом. С интересом.

— Тогда это станет моей проблемой, — сказала Таис. — И, скорее всего, вашей.

Рем слушал вполуха. Он смотрел на схему и видел не то, что остальные.

Остальные видели цель. Он видел испытательный стенд.

Стабилизатор Невеля — двадцать лет работы, его метод, его имя — впервые входил в систему такого класса. На бумаге и в тренажёрах он делал одно и делал безупречно: брал сложную, срывающуюся конструкцию из многих тел и полей, находил в ней ближайшее устойчивое состояние и не давал процессу соскользнуть с него. Сам он ничего не создавал: не добавлял системе недостающую силу, не выдумывал выход и не решал, каким должен быть итог. Он только удерживал тот режим, к которому система уже была способна прийти. Так сажали корабли в резонансных орбитах. Так вытаскивали аппараты из связок, из которых не должно быть выхода. Если стабилизатор возьмёт Узел Велара — с его редким полем, с этой тёмной гирей, которая почему-то мешает приборам, — Рема начнут ставить на каждый корабль «Дальнего контура». Если не возьмёт — это будет не провал прибора. Это будет значить, что он двадцать лет ошибался в главном: что любую нестабильность можно безопасно вернуть к норме.

Он верил, что можно. Это была не гордыня. Это была опора, на которой он стоял, — такая же надёжная, как палуба под ногами.

Он ещё не знал, что меньше чем через месяц именно эту опору у него попросят убрать.

Совещание кончилось, экипаж разошёлся по отсекам, и «Кайрос» снова стал тем, чем был всю дорогу, — слишком правильным местом.

Рем прошёл по низким круглым коридорам, мимо гашёных маршрутных экранов, мимо лабораторий, где пахло фильтрами, тёплым пластиком и металлом. Всё здесь было закреплено, подписано, просчитано и стояло там, где его поставили. Постоянный ровный гул систем — тот, что замечаешь, только когда он есть, — шёл отовсюду и ниоткуда. За годы Рем привык к этому гулу, как к собственному сердцу. Здесь ничто не поворачивалось к небу. Здесь ничто не удивлялось.

Он остановился у бокового иллюминатора, где Саэла и Ирдан снова были не схемой, а вещью.

Два мира. Тяжёлый и лёгкий. Большой и малый. Между ними — узкая пропасть в сто шестьдесят тысяч километров от облаков Саэлы до нижних слоёв атмосферы Ирдана, которую они, кажется, всё это время держали друг с другом. И где-то там, внизу, под облаками, под неподвижным вторым небом, была вода, был воздух, была, если верить зондам, жизнь. Возможно — кто-то, кто эту жизнь понимает.

Рем поймал себя на старой, привычной мысли: что бы там ни оказалось, у него есть чем это выровнять. Любое отклонение — временно. Любую систему, ушедшую от нормы, можно вернуть. Мысль была спокойная и удобная, как всегда.

Он ещё не встретил ничего, что не хотело бы возвращаться.

— Готовимся к спуску, — сказал в динамике голос Таис, ровный и будничный. — Рем, Мира — в «Ярус» через час. Юна ведёт карантин с орбиты, Орин — поле. Илар остаётся дома. Пошли смотреть на лёгкий мир.

Рем ещё раз взглянул на Саэлу — маленькую, зелёную, тихую, стоящую под своим огромным Ирданом, — и впервые с начала перелёта почувствовал не расчёт, а что-то похожее на то, что Мира называла красотой.

Он списал это на усталость и пошёл к модулю.

Глава 2. Вход

«Ярус» отделился от «Кайроса» коротким сухим толчком, и мир под Ремом исчез.

Он много раз уходил в модулях от кораблей и всё равно каждый раз ловил это короткое, животное чувство: только что под тобой была палуба, отсеки, шесть человек и гул систем — а теперь под тобой нет ничего, кроме тонкого корпуса и восьмидесяти тысяч километров до поверхности. «Кайрос» ушёл вверх и назад, стал сначала белой рыбиной, потом искрой, потом просто ещё одной точкой, которую надо было держать в уме, а не в глазах.

Их было трое в тесной кабине. Таис впереди, за штурвалом, — прямая, спокойная, руки лежат на управлении так, будто она не держит модуль, а слушает его. Мира справа, у биологического терминала, который пока показывал только пустую верхнюю атмосферу: воздух, воздух, ни одной строки, за которую можно было бы зацепиться. Сам Рем — слева, при своих эталонах. Позади, в грузовом, тихо ехало вниз всё, что понадобится внизу: контейнеры, приборы, палатки, вода.

Саэла росла в лобовом стекле.

Сверху она была именно такой, какой обещали зонды, — маленький мир, весь в разводах тёмной зелени и холодной воды, с тонкими лесами по склонам, ровными, будто их провели по линейке. Но Рем смотрел не на неё. Он смотрел на эталоны и на то, как «Ярус» входит в атмосферу.

Вход был красивый. Слишком красивый.

Корпус задрожал, снаружи пошло сначала розовое, потом белое сияние набегающего воздуха, кабину повело мелкой честной тряской — всё как положено. Рем ждал, когда его вдавит в кресло: торможение об атмосферу всегда кладёт на грудь свою руку, и эта рука честно говорит телу, куда оно летит. Рука легла. Но легче, чем должна была.

Он опустил взгляд на панель эталонов.

У него их было четыре, и он верил им по очереди, а не всем сразу — этому его научил ещё первый наставник: не доверяй одному прибору, доверяй тому, в чём приборы сходятся. Запаянная ампула чистой воды на калиброванном датчике веса. Рядом — короткий титановый цилиндр на таком же датчике. Инерциальная платформа, которая знала ускорение из собственного нутра, ни у кого не спрашивая. И лазерный дальномер, который просто мерил расстояние до земли лучом и не умел врать из принципа.

В обычном спуске все четверо говорили об одном и том же разными словами.

Сейчас они начали расходиться.

Первой ушла вода. Стрелка на датчике водной ампулы поползла вниз — медленно, ровно, без рывка, какой бывает при сбое. Для датчика вода теряла вес: сила, с которой ампула давила на опору, падала.

— Вода минус три, — сказал Рем негромко, больше себе. — Минус пять.

Таис не обернулась.

— Минус пять чего?

— Процентов от базового веса. — Он смотрел, как цифра ползёт дальше. — Минус восемь.

— Лидар?

— Девятьсот метров.

— Инерциальная?

— Семьсот сорок.

Он произнёс это ровно, но внутри у него что-то подобралось. Разрыв в сто шестьдесят метров между лазером и инерциальной платформой на такой высоте — это не помеха и не

сбой. Помеха забивает шумом всё сразу. Сбой платформы уводит её ровно в одну сторону. А тут два честных прибора спокойно называли две разные высоты и оба были уверены в себе.

Рем перевёл взгляд на титановый цилиндр рядом с водной ампулой. Тот стоял в гнезде почти неподвижно, отклонение меньше процента. Металл держал свой вес. Вода — теряла.

И вот это ему совсем не понравилось.

Потому что если бы «Ярус» просто входил в поле, которое портит приборы, шумело бы всё. Магнитная буря наводит токи в воде, титане и кабелях — по-разному, но не выбирает один эталон так чисто. А здесь приборы не ввали. Они отвечали на разные вопросы.

Лидар видел расстояние до земли. Инерциальная платформа — ускорение модуля в поле, которое уже перестало быть привычным. Весовой датчик — силу, с которой вода давила на опору. И только последняя уходила резко.

Значит, поле не отнимало у воды массу. Оно вмешивалось в её связь с местным низом — и делало это тем сильнее, чем больше в веществе было подвижных полярных связей. Вода отзывалась первой. Титан — почти никак.

Рем не знал поля, которое умело бы так избирательно менять силу, с которой мир тянет вещество вниз. И, что было для него куда неприятнее, он не знал, какому из этих честных показаний доверить посадку.

Мира подняла голову от своего пустого терминала.

— Это может быть корпус? Наводка от обшивки, что-то в креплении датчика?

— Нет, — сказал Рем.

— Почему так уверенно?

— Потому что тогда ушли бы оба датчика. А откликается только вода.

Мира несколько секунд смотрела на его панель. Она не была физиком, но она была из тех, кто быстро понимает форму чужой тревоги, даже не разбирая её причины.

— Тогда что это? — спросила она.

Он не ответил. У него не было ответа, а говорить вслух то, чего не понимаешь, во время спуска — плохая привычка, которая начинается со слов и кончается неверными решениями.

За лобовым стеклом облака вдруг разошлись, и Саэла легла под ними уже не картинкой, а землёй — близкой, подробной, с тенями холмов, с блеском воды в низинах, с тёмными полосами тех самых ровных лесов. А над горизонтом, занимая немыслимую долю неба, стоял Ирдан.

Рем знал, что он большой. Он видел его с орбиты, он знал цифры. Но одно дело — шар в стекле корабля, а другое — вот это: почти второе небо, вставшее над чужим миром, с медленными вихрями облаков, с тёмной полосой материка на свету, с холодным голубым сиянием, в котором тонул край атмосферы. Он не восходил и не садился. Он просто был там, огромный и неподвижный, и Рем вдруг очень ясно понял то, что раньше знал только цифрой: на Саэле от него никуда не деться. Он всегда над головой.

— Пятьсот, — сказала Таис.

Голос у неё не изменился ни на полтона. И именно поэтому Рем понял, что расхождение высот видит и она, — и что оно ей нравится не больше, чем ему.

Автоматика спуска потянулась поправить тягу. Она увидела, что по одному прибору они ниже, чем по другому, и решила, как решала всегда, — усреднить и подстраховаться.

Таис сняла её с управления одним коротким движением.

— Высоту беру по лазеру, — сказала она. — Остальное — в архив. Не хочу, чтобы машина усредняла разные реальности. Пусть считает молча.

Дальше она вела «Ярус» вниз сама — по лучу дальномера и по тому, что видела в стекле, не доверяя ни платформе, ни красивым цифрам веса. Рем смотрел на неё сбоку и думал, что вот так, наверное, и выглядит настоящая осторожность: не бояться неизвестного эффекта, а просто не позволять ему принимать за тебя решения.

Земля пошла навстречу.

Трава под соплами легла плоскими светлыми кругами. Несколько камней вспыхнули в реактивной пыли и пропали из виду. Рем упёрся ладонями в подлокотники и приготовился к удару — к тому короткому, честному толчку в позвоночник, каким кончается каждая посадка, потому что земля всегда встречает тебя твёрдо, на то она и земля.

Удара не было.

Последние метры «Ярус» будто не опускался, а его придерживали снизу — мягко, ровно, чужой ладонью. Опоры коснулись грунта так тихо, что Рем скорее увидел касание по приборам, чем почувствовал его телом. Модуль качнулся, осел на амортизаторах и замер.

В кабине стало очень тихо. Снаружи гас, остывая, корпус — тонкое потрескивание металла было единственным звуком.

Таис выдохнула и сняла руки со штурвала.

— Сели, — сказала она.

Рем ещё раз посмотрел на свою панель — на воду, на металл, на четыре строки, которые за весь спуск так и не сошлись в одну. Вода всё ещё весила меньше, чем ей полагалось. Совсем чуть-чуть. Будто мир под ними не отпускал её до конца.

— Нет, — сказал он. — Не сели. — Он сам удивился тому, что говорит. — Нас как будто отпустили.

Никто ему не возразил.

За стеклом лежала Саэла — зелёная, тихая, невозможно спокойная, — и над ней стоял её огромный Ирдан. До того, как открыть люк и впервые вдохнуть чужой воздух, оставалось ещё несколько минут карантинной паузы. Рем сидел, не отпуская взгляда от медленно возвращающейся к норме стрелки, и в первый раз за весь перелёт не мог себе объяснить, что именно он только что измерил.

Глава 3. Первый день на Саэле

Карантин длился двадцать минут, и это были самые долгие двадцать минут за весь перелёт.

«Ярус» стоял на четырёх опорах, остывший и тихий, и в кабине не осталось никакой работы, кроме как ждать и смотреть. Мира гоняла наружные анализаторы — брала пробы воздуха через фильтры, не открывая люка, — и цифры на её терминале медленно складывались в хорошую новость. Рем ждать не умел. Он от нечего делать повторил замер водного эталона.

Стрелка стояла ровно. Вода весила ровно столько, сколько ей полагалось, — ни граммом меньше. За те минуты, что они сидели на грунте, все восемь процентов, которых на спуске не хватало, тихо вернулись на место, и панель показывала спокойную, скупную норму.

Это понравилось Рему ещё меньше, чем расхождение.

Расхождение можно измерить, записать, разложить на причины. А исчезнувшее расхождение измерить нельзя. Оно приходило, что-то сделало и ушло, не оставив ни следа, ни объяснения, — и теперь у него на руках была только память о цифре и ровная стрелка, которая словно говорила: тебе показалось. Ему не показалось. Но доказать он этого больше не мог.

— Воздух пригоден для дыхания, — сказала Мира, не отрываясь от терминала. — Кислород, азот, немного инертных. Давление чуть выше земного. Фильтры не видят летучих токсинов, активных аэрозолей и спороподобных частиц в опасной концентрации. — Она помолчала, перечитывая колонку. — Странно даже. Обычно новый мир хоть чем-нибудь да пугает. Хоть спорой, хоть запахом. Этот — ничем.

Голос «Кайроса» пришёл с задержкой, стёртый расстоянием.

— «Ярус», статус.

— Сели, — ответила Таис. — Мягче, чем хотелось бы. Воздух дышабельный. Начинаем карантинный выход.

— Юна подтверждает только дыхательный протокол, — это был Илар, спокойный, будто спрашивал о погоде за окном. — Снимайте по одному. Внешние контуры не трогать, ничего местного не брать в рот, на слизистые и в открытые раны. И, Таис, не торопитесь любить этот мир. Мы его ещё не знаем.

— Не собиралась, — сказала Таис.

Она вышла первой — в скафандре, не снимая шлема. Присела у опоры, взяла горсть грунта, растёрла между пальцами перчатки, поднесла к визору. Проверила ветер ладонью. Обошла модуль по кругу, отмечая взглядом, где ближайшее укрытие и где обратный путь к люку. Только сделав всё это, она разгерметизировала шлем, вдохнула — осторожно, коротко — и сказала в эфир ровным голосом:

— Чисто. Можно снимать.

Мира сняла шлем первой из них двоих.

Рем следил за ней краем глаза, всё ещё держа пальцы на панели эталонов, как держатся за поручень. Она сделала вдох — короткий, потом длинный, глубокий, — и на секунду перестала быть учёной. Лицо у неё изменилось: ушла привычная собранная усталость, и осталось что-то почти детское, незащищённое. Она стояла и просто дышала воздухом мира, которого до них не дышал ни один человек.

— Нормально? — спросил Рем.

— Лучше, чем нормально. — Она не сразу нашла второе слово. — Страшно.

Он понял, что она имеет в виду. Мир, который сразу, без боя, отдаёт тебе всё, о чём просишь, — воздух, тишину, мягкую посадку, — такой мир не вызывает доверия. Слишком гостеприимный дом заставляет искать глазами, где заперта дверь.

Рем снял шлем и вышел следом.

И на первом же шаге его тело обмануло его.

Он шагнул с трапа на грунт — и опустился на долю секунды позже, чем ждал. Совсем чуть-чуть, будто нижняя ступенька оказалась ниже, чем показал глаз. Ноль целых шесть десятых земной тяжести — он знал это число, он готовился к нему, и всё равно тело, привыкшее к искусственному весу корабля, на миг растерялось. Каждое движение уходило чуть дальше, чем он его посылал. Он поднял руку — и рука взлетела слишком охотно. Он переступил — и переступил слишком широко. Мир держал его мягче, чем Земля, мягче, чем корабль, и от этой мягкости хотелось не радоваться, а осторожничать.

Он выпрямился и впервые посмотрел на Саэлу не через стекло.

Свет был двойной. Велар стоял высоко — маленькое тёплое солнце, дававшее обычный жёлтый день. Но половину неба занимал Ирдан, и он тоже светил — не своим огнём, а отражённым, холодным, голубоватым, — и оттого у всего на Саэле было две тени: одна тёплая, чёткая, от солнца, и вторая, бледная, синеватая, от планеты. Трава отбрасывала две тени. Опоры «Яруса» отбрасывали две тени. Рем поднял руку и увидел, что у его ладони на земле их тоже две, и они смотрят в разные стороны.

А у самого края огромного ирданского диска висела маленькая чёрная точка — Керн. Отсюда, снизу, он был не больше зёрнышка, но глаз всё равно цеплялся за него: единственное тело в этом мягком голубом небе, которое ничего не отражало и ничего не обещало.

Пахло холодной водой, мокрым камнем и чем-то ещё — зелёным, незнакомым, не неприятным, но и не земным. Так мог бы пахнуть лес, которого ты никогда не видел, но почему-то узнаёшь.

И было очень тихо. Ни птиц, ни ветра, ни насекомых — только далёкий, ровный звук воды где-то за грядой и потрескивание остывающего корпуса за спиной.

Мира уже сидела на корточках над травой. Она не рвала её — просто трогала кончиками пальцев, будто здоровалась. Стебли были невысокие, плотные, чуть маслянистые на вид. И все они смотрели в одну сторону.

— Рем, — сказала она тихо. — Посмотри. Они наклонены. Все.

Он посмотрел. Она была права. Трава не стояла как попало, как стоит земная трава, куда её погнёт ветер. Каждый стебель был чуть отклонён в одну и ту же сторону — не к солнцу, стоявшему высоко, а туда, к горизонту, где над всем висел Ирдан.

— К планете, — сказал Рем.

— К планете, — повторила Мира. И в голосе у неё было больше вопроса, чем ответа.

Он хотел записать это как первое наблюдение и заняться делом. Но Мира уже развернула полевой набор и делала то, ради чего прилетела, — проверяла, можно ли здесь жить по настоящему.

Ответ пришёл через полчаса и был странным.

— Есть плохая новость, — сказала она, разглядывая результат. — И она красивая. Здешняя жизнь — наша родня по химии. Те же кирпичи: белки, сахара, вода. Всё узнаваемо. Но собрано зеркально.

— В смысле?

— В прямом. — Она подняла на него глаза. — Молекулы жизни бывают левые и правые, как ладони. Наша жизнь выбрала одну руку. Здешняя — другую. Всё то же самое, но отражённое. — Она обвела рукой траву, лес на склонах, воду в низине. — Это значит, что мы можем дышать их воздухом, пить их воду, если очистить, ходить по их земле. Но съесть здесь мы не сможем ничего. Ни травинки. Для нашего тела вся эта жизнь — не еда. Она просто не подойдёт к нашим замкам.

Рем оглядел мир вокруг — зелёный, живой, мягкий, изобильный — и впервые почувствовал в нём то, чего не хватало приборам, чтобы назвать словом.

Саэла выглядела как накрытый стол, к которому нельзя притронуться. Всё съедобное на вид — и ничего съедобного на самом деле. Они будут жить здесь на своих пайках с «Яруса», среди целого мира пищи, которая не для них.

— Красивая плохая новость, — согласился он.

День на Саэле почти не двигался. Рем знал и это число — местные сутки длились почти четыре земных, — но одно дело знать, а другое видеть, как солнце за долгие часы работы едва сползает по небу, а Ирдан не сдвигается вовсе. Они поставили лагерь рядом с «Ярусом»: две палатки, силовой блок, накрытые контейнеры. Всё это время над ними, не шевелясь, стоял огромный голубой шар, и Рем поймал себя на том, что то и дело поглядывает на него — не потому, что тот что-то делал, а потому, что не делать этого было невозможно. Небо, в котором висит второй мир, не отпускает взгляд.

К вечеру — если это можно было назвать вечером в мире, где свет почти не менялся, — они с Мирой сидели у края лагеря. Таис возилась с модулем, проверяя опоры; она не умела просто сидеть.

— Ты весь день трогаешь свою панель, — сказала Мира. Не в упрёк. — Что тебя грызёт?

— Вода, — сказал Рем. — На спуске она потеряла восемь процентов веса. На земле вернула. И теперь я не могу это повторить, не могу измерить, не могу доказать, что это было. — Он помолчал. — Я не люблю вещи, которые случаются один раз и не оставляют следа. Их нельзя вернуть к норме. Их даже некуда возвращать.

Мира смотрела на траву, наклонённую к Ирдану.

— А может, — сказала она, — не всё в этом мире вообще хочет к норме. Может, у него норма — вот это. — Она кивнула на двойные тени, на неподвижную планету, на стебли, повёрнутые не к солнцу. — А странное для нас — это мы.

Рем не ответил. Он смотрел, как далеко на склонах стоят те самые ровные, будто расчерченные по линейке леса, к которым им предстояло идти завтра. Отсюда было видно: деревья там тоже наклонены. Все в одну сторону. Все к огромному, тихому, никогда не заходящему Ирдану.

Мир был прекрасен, и дышал, и ждал.

И Рем никак не мог избавиться от чувства, что ждёт он не зря.

Глава 4. Лес двулистников

Идти по Саэле оказалось странным удовольствием.

Они вышли к лесу на второй местный день — втроём, оставив «Ярус» под присмотром орбиты. Груз почти не тянул: в мире, где вешишь чуть больше половины прежнего, рюкзак с приборами и суточным запасом лежал на плечах как пустой. Рем поймал ритм не сразу. Первые полкилометра он то и дело переоценивал шаг — толкался слишком сильно и уходил в длинный, чуть смешной прыжок, и приземлялся дальше, чем целил. Таис косилась на него без слов, и он видел в этом взгляде инженерную прикидку: если так прыгать у обрыва, кончится плохо. Он умерил шаг. К концу первого часа тело договорилось с новым весом, и ходьба стала похожа на плавный, экономный полубег — как будто Саэла всё время слегка подхватывала его под локоть.

Мира шла первой и почти не смотрела под ноги. Она смотрела по сторонам — на низкие мясистые кустарники, на россыпи бледных цветов, закрытых с одной стороны и раскрытых с другой, на мелкую живность, которую было больше слышно, чем видно: что-то шуршало в траве, что-то тонко звенело в воздухе и умолкало, стоило подойти. Она то и дело останавливалась, приседала, трогала — не срывая, только касаясь, — и её лицо каждый раз менялось так же, как в первый день: уходила усталость, оставалось внимание почти детское.

— Ты не устаёшь на это смотреть, — сказал Рем.

— Я всю жизнь ждала мир, который нельзя объяснить с орбиты, — ответила она, не оборачиваясь. — Дай мне посмотреть.

Лес начался сразу за грядой, без опушки, без постепенного перехода от кустов к деревьям. Только что был открытый склон — и вот уже стволы, высокие, прямые, тоньше, чем позволила бы им земная тяжесть. В лёгком мире дерево может тянуться вверх, не ломаясь под собственным весом, и эти тянулись: светлые колонны уходили высоко, а кроны раскрывались наверху широко и плоско, как раскрытые ладони.

И у каждой ладони было две стороны.

Рем заметил это не сразу — заметила, конечно, Мира. Она остановилась под первым же деревом, задрала голову и долго молчала.

— Двулистник, — сказала она наконец, назвав растение по единственному, что бросалось в глаза. — Смотри на лист. Одна сторона матовая, тёмно-зелёная. Другая — почти зеркальная.

Рем присмотрелся. Она была права. Листья росли так, что одна их плоскость смотрела вверх, к маленькому тёплому Велару, а вторая, блестящая, отражающая, — вбок и вниз, туда, где сквозь стволы, над дальним склоном, стоял огромный голубой Ирдан. Верхняя сторона ловила солнце. Нижняя ловила планету.

Мира поднесла к блестящей стороне анализатор и нахмурилась.

— Верхняя работает как обычный лист — солнце, фотосинтез, всё понятно. А нижняя... — Она качнула прибором. — Нижняя настроена не на свет. Она отвечает на отражённое сияние Ирда, на магнитный фон и ещё на что-то, чего прибор назвать не может. Пишет «неизвестный градиент» и замолкает.

— Неизвестный градиент, — повторил Рем.

— Здесь не просто пигмент, — сказала Мира. — В изнанке листа идут тонкие влажные каналы, а между ними — чешуйчатые минеральные включения. Они перестраиваются раньше, чем меняется свет или температура. Как будто лист не ловит поле, а живёт внутри его предчувствия.

Он поднял голову и посмотрел вдоль леса. Кроны стояли не как попало. Все зеркальные стороны были развёрнуты в одну сторону — туда, к планете. Целый лес смотрел одним глазом на солнце, а другим — на Ирдан. И этот второй, общий взгляд тысяч деревьев было почему-то жутко видеть.

— Он не с солнца, твой градиент, — сказал Рем. — Он оттуда.

Мира проследила за его рукой и ничего не ответила. Она присела, тронула кончиками пальцев зеркальную изнанку упавшего листа. Лист был тёплый — теплее воздуха, будто держал в себе чужой, не солнечный свет.

Они шли лесом дальше, и лес жил.

В нём было тихо той особой тишиной, в которой много мелких звуков: сухой треск, дальний плеск, шорох, писк. Свет падал сквозь двойные кроны двумя оттенками — тёплым сверху и холодным сбоку, — и от этого стволы отбрасывали двойные тени, разбегавшиеся крестами по палой листве. Рем поймал себя на том, что идёт медленнее, чем нужно, и не потому, что устал. Просто мир вокруг стоило разглядывать. Впервые за всю миссию он не считал — он смотрел. И это его слегка беспокоило, как беспокоит любая привычка, которой у тебя раньше не было.

Движение он увидел краем глаза и сначала не понял, что видит.

Между стволами шло существо — по воздуху.

Рем замер. Существо было небольшое, размером с крупную кошку, шестиногое, с длинными боковыми складками кожи, растянутыми между лапами, как паруса. Оно почти не двигало ими — просто держало распахнутыми и скользило от ветки к ветке, теряя высоту так медленно, что это походило не на полёт, а на падение во сне. Долетев до дальнего ствола, оно цеплялось всеми шестью лапами, складывало паруса, взбегало выше и снова толкалось в воздух — и снова долго, плавно планировало.

— Низкая тяга и широкая мембрана, — тихо сказал Рем, и профессиональная часть его сознания успокоилась, ухватившись за понятное. — Здесь можно почти летать. Достаточно широкой кожи и лёгкого тела. Геометрия, которая работает.

— Парусник, — сказала Мира с той же тихой радостью, с какой называла всё. — Смотри, сколько их.

Их и правда было много. Целая стая скользила через лес бесшумными косыми линиями — десятки медленных тел, пересекавших полосы двойного света, — и на секунду Рем поймал себя на том, что стоит и смотрит, забыв про приборы, так же, как смотрела Мира.

А потом воздух изменился.

Это было почти неуловимо. Сначала — привкус. Слабый, металлический, как перед грозой, как если лизнуть монету. Рем сглотнул и не сразу понял, что это не во рту у него, а в самом воздухе. Потом — свет. Двойные тени под ногами чуть дрогнули и поплыли, будто мир на секунду потерял резкость. И трава на прогалине впереди, вся разом, без ветра, шевельнулась и потянулась — не к солнцу, а туда же, куда были повернуты кроны. К планете.

— Рем, — начала Мира.

— Чувствую, — сказал он.

Он посмотрел на свой ручной прибор. Стрелки поля, весь день лежавшие в нуле, поднялись — чуть-чуть, ровно, все сразу. Не буря. Не всплеск. Медленное, спокойное дыхание чего-то большого, что просто открыло глаза и снова прикрыло их.

И тогда парусники исчезли.

Не улетели, не скрылись за деревьями, не бросились врассыпную. Только что воздух был полон медленными телами — и вот он пуст. Все разом, в один и тот же миг, будто кто-то отдал команду, которой Рем не услышал. Стая просто перестала быть, растворилась между стволами, ушла куда-то вниз и вбок, и лес остался пустым и очень тихим.

Рем стоял с поднятым прибором и смотрел, как оседает металлический привкус, как возвращается резкость теням, как стрелки поля тихо ложатся обратно в ноль. Всё длилось, может быть, минуту. Потом мир снова стал прежним — мягким, зелёным, спокойным.

— Что это было? — спросила Мира. Голос у неё был ровный, но Рем слышал под ровностью то же, что чувствовал сам.

— Поле поднялось, — сказал он. — Слабо. И опустилось. — Он опустил прибор. — А они знали раньше нас. Секунд на пять раньше.

— Кто знал?

— Парусники. — Он посмотрел туда, где только что была стая. — Они ушли до того, как я это увидел на приборе. Но, может быть, не всем телом. Ты видела их боковые складки? Я думал, это просто паруса.

Мира кивнула, всё ещё глядя туда, где исчезла стая.

— В них идут те же влажные прожилки, что в изнанке двулистников. И мелкая минеральная сетка. Для нас поле сначала становится цифрой. Для них — ощущением в ткани. Они чувствуют предфазу ещё до того, как она набирает силу.

— Живой датчик, — сказал Рем.

— Живой организм, который слишком долго жил рядом с этим небом, чтобы не научиться его слышать.

Таис, всё это время молчавшая и просто наблюдавшая — так, как наблюдала за всем, прикидывая пути и риски, — впервые подала голос.

— Значит, у этого мира есть расписание, — сказала она. — И местные его знают, а мы нет. — Она поправила ремень. — Мне это не нравится. Не потому, что опасно. А потому, что мы тут самые глупые.

Они постояли ещё немного. Лес молчал, кроны смотрели на Ирдан, трава медленно распрямлялась, забывая своё движение. Металлический привкус ушёл совсем.

Рем записал в журнал сухую строку: слабое возмущение поля, длительность около минуты, предшествующая реакция фауны. Он записал время. И, поколебавшись, добавил то, чего обычно не писал в журналах, — то, что было не измерением, а мыслью:

«Мир реагирует на что-то в небе раньше, чем это видят приборы. Реагирует весь, целиком, согласованно. Как будто у него есть чувство, которого у нас нет».

Он перечитал строку, подумал, не стереть ли её как ненаучную.

И оставил.

Глава 5. Знаки

Чувство, что за ними смотрят, пришло не сразу — и потом уже не ушло.

Сначала Рем списывал его на усталость и на чужой мир: любой лес, в котором ты впервые, кажется полным глаз. Но день шёл за днём — долгие, медленные сазельские дни, — и чувство не слабело, а густело. Оно было ровным, спокойным, без угрозы. Не так смотрит хищник. Так смотрит тот, кто давно тебя заметил, никуда не спешит и ждёт, когда заметишь его ты.

Мира чувствовала то же. Он видел это по тому, как она перестала уходить вперёд одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.